

Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе*

Юлия Викторовна

УХАНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru

ORCID: 0000-0001-7307-9520; ResearcherID: Q-7225-2017

Даниэль

ЛЕОН

Университет Лейпцига

Лейпциг, Федеративная Республика Германия

e-mail: dleon011@fuu.edu

ORCID: 0000-0003-0637-9480

Ренате Зигрид

ШЕЛЬВАЛЬД

Университет Билефельда

Билефельд, Федеративная Республика Германия

e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl

ORCID: 0000-0002-8712-8976

* Исследование выполнено частично при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00724.

Для цитирования: Уханова Ю.В., Леон Д., Шельвальд Р. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14. № 1. С. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

For citation: Ukhanova Yu.V., Leon D., Schelwald R. Charity work of local community: results of the sociological research in the Russian region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 169–185. DOI: 10.15838/esc.2021.1.73.12

Аннотация. В последние годы тема участия граждан в решении социальных проблем, самоорганизации общества становится все более значимой исследовательской повесткой. Общественные практики воспринимаются как важнейший ресурс социально-экономического развития на государственном и местном уровне. Цель работы – выявление уровня развития и особенностей мотивации участия/неучастия в благотворительной деятельности с позиции локального сообщества российского региона. На основе критического анализа научной литературы представлен подход к сущности и составляющим элементам благотворительности. Посредством апробации авторского социологического инструментария (массовый опрос общественного мнения на территории Вологодской области, 2019 год; N = 1900) выявлен уровень вовлеченности локального сообщества в отдельные формы благотворительности (помогающее поведение, денежные пожертвования, волонтерство в рамках деятельности общественных организаций). Обращают на себя внимание низкий уровень участия населения в формальных благотворительных практиках, связанных с работой добровольных ассоциаций, и высокая неформальная благотворительная активность в различных форматах помогающего поведения. С применением факторного анализа скрытых переменных определено, что социальные нормы и религиозные ценности выступают одним из основных факторов, побуждающих локальное сообщество к занятиям благотворительностью. Кроме того, выяснено, что сформированная установка о преобладании социальной ответственности других субъектов (в первую очередь государства) и недоверчивое отношение к системе благотворительности становятся серьезными препятствиями включения локального сообщества в благотворительную деятельность. Исследование текущего состояния благотворительной деятельности в местных сообществах России может дать эмпирическую основу и теоретический импульс как для фундаментальных исследований в этой области, так и для практической работы, направленной на изучение конкретных видов деятельности, в целях повышения вовлеченности населения в местную благотворительность.

Ключевые слова: благотворительность, локальное/местное сообщество, развитие территорий, социальный капитал, помогающее поведение, денежные пожертвования, волонтерство.

Введение

В современном мировом сообществе вовлеченность населения в решение общественно значимых задач воспринимается как важнейший ресурс развития на государственном и местном уровне. Именно посредством общественной самоорганизации широкие слои населения становятся все более значимым субъектом, желающим, готовым и способным оказывать влияние на изменение условий жизни.

Одним из главных направлений участия населения в общественной жизни выступает благотворительная деятельность, которая может осуществляться как посредством добровольных ассоциаций (главным образом НКО), так и в неформальной (ситуативной) форме. Благотворительность охватывает множество инициативных проявлений действенного альтруизма, способствующих, в том числе, развитию образования, науки и культуры, сохранению традиций и укреплению социальных инноваций, гармонизации общественной жизни [1]. Таким образом, суть

благотворительной деятельности заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности в обществе. Как справедливо отметил П. Сингер, благотворительность может быть одной из важнейших форм нравственного поведения в современном мире [2].

Значимость благотворительных практик возрастает как на этапе качественных изменений, так и в кризисные периоды мирового сообщества. От благотворительного участия граждан в решении социальных проблем, сплоченности общества во многом будет зависеть, насколько успешно правительства стран справятся с пандемией COVID-19. Исследования крупнейшего международного благотворительного фонда «CAF» свидетельствуют о том, что в связи с распространением коронавирусной инфекции спрос на благотворительные цели выше, чем когда-либо: как со стороны людей, непосредственно пострадавших от пандемии,

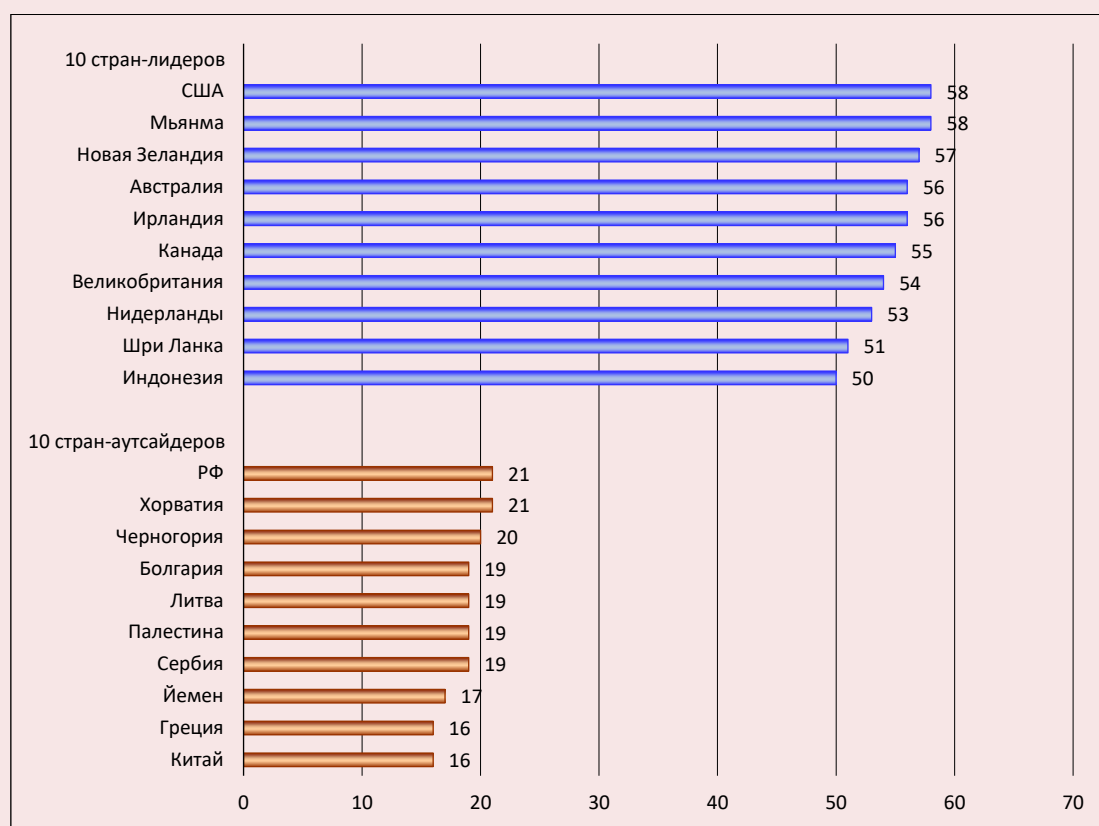
так и со стороны разрушительных последствий экономической и социальной жизни¹.

Вместе с тем в межстрановом сравнении уровни развития благотворительности значительно различаются. Социологические данные проекта CAF World Giving Index демонстрируют наличие с 2009 по 2019 год в рейтинге 143 государств с наибольшим и наименьшим показателем вовлеченности населения в благотворительную деятельность стран из разных континентов, с различным уровнем социально-экономического развития и разной религией (рис. 1).

Кроме общих тенденций развития благотворительных практик в межстрановом сравнении заметно отставание России: согласно рейтингу CAF World Giving Index за 2009–2019 гг. она входит в десятку стран-аутсайдеров по уровню развития благотворительности. Это обусловило исследовательский интерес к изучению благотворительной деятельности в России.

Учитывая значимость благотворительности как разнопланового ресурса социального развития, крайне актуально рассмотреть состояние этой сферы российского гражданского общества. Особый интерес представляет анализ

Рисунок 1. Страны с наибольшим и наименьшим уровнем благотворительности в среднем за 2009–2019 гг. (совокупный показатель по таким практикам, как помощь незнакомцу, денежные пожертвования, волонтерство в общественных организациях), %*

* CAF World Giving Index основывается на простом усреднении ответов на три вопроса об участии в практиках. Они задавались в каждой стране. Представлены оценки в процентах, на основе которых странам был присвоен соответствующий ранг. Далее были посчитаны средние баллы за 10 лет.

Источник: CAF World Giving Index. Ten years of giving trends, October 2019.

¹ A COVID-19 Philanthropy Stimulus Package: Unlocking further giving in the UK to support civil society at a time of crisis. CAF, 2020. URL: <https://www.cafonline.org/about-us/caf-campaigns/a-champion-for-charities/policy-briefings-and-consultations-library/covid-19-philanthropy-stimulus-package> (дата обращения 06.02. 2020).

проблематики на уровне локальных сообществ, где возникают плотные горизонтальные и вертикальные социальные связи. Исследователи отмечают глокализацию сферы гражданского общества, проявляющуюся в усилении роли местных (локальных) сообществ, несмотря на общемировые тенденции к транснационализации [3].

Существуют разнообразные трактовки понятия «локальное сообщество». Под сообществом («local community») обычно понимаются как местность, так и реальные социальные группы с особым качеством взаимоотношений. Оно «ощущается более непосредственным, чем общество», включает в себя различные виды действия местных организаций и инициатив [4].

Безусловно, во многих совместных инициативах деятельность выходит за рамки сообщества, очерченного географическими границами, развиваются сообщества по интересам. Тем не менее, на наш взгляд, именно сообщество, состоящее из людей, живущих и работающих в определенном месте, выступает самой важной группой, которая будет участвовать в деятельности, сосредоточенной на развитии конкретной территории [5, с. 93].

Целью нашего исследования стало выявление уровня, а также мотивации и препятствий вовлеченности локального сообщества в различные формы благотворительности. Для этого отобран субъект Северо-Западного федерального округа РФ – Вологодская область. Как демонстрируют статистические данные, по большинству проанализированных социально-экономических показателей область отстает от уровня развития общероссийской ситуации². Эти выводы свидетельствуют о значимости использования различных ресурсов развития, связанных с благотворительной активностью населения в исследуемом регионе.

Проблема благотворительности в научном дискурсе

Представленное исследование вносит вклад в богатый список работ, авторы которых пытаются понять связь между участием граждан в решении социально значимых проблем и развитием местных территорий [6; 7; 8; 9]. Ученые

доказывают, что вовлеченность населения в благотворительные практики помогает достичь равновесия между элитным и массовым поведением, т. к. сообщества направляют внимание и ресурсы на решение социальных проблем [8; 10; 11].

Однако связь благотворительности и социально-экономического развития не всегда является прямой. В литературе достаточно доказательств того, что благотворительная деятельность может способствовать социально-экономическому развитию, но также может провоцировать развитие зависимых отношений между донорами и бенефициарами, препятствуя инвестициям в долгосрочную производственную деятельность [12; 13]. В связи с этим некоторые ученые утверждают, что благотворительность становится социально полезной только тогда, когда ее целью является оказание чрезвычайной помощи во время конъюнктурных кризисов, но не для достижения долгосрочных целей развития [13].

Благотворительность трактуется зачастую как форма «нечистого альтруизма». В этом случае благотворитель выступает не просто как даритель, действующий на благо других людей, но и как человек, которому альтруистическая деятельность приносит моральное удовлетворение или благотворное общественное признание [14]. Другими словами, стремление заниматься благотворительностью понимается авторами как одна из форм социального капитала, относящаяся к социальным активам, в которые люди вкладывают средства с целью повысить свой социальный статус (например, получение общественного признания посредством каких-либо коллективных или индивидуальных действий). Таким образом, участие в благотворительной деятельности – это способ для членов общества получить социальное признание путем добровольного использования своих человеческих или финансовых ресурсов на общее благо [15; 16].

В рамках концепции социального капитала определяющее значение имеет обращение к изучению установок, таких как социальное доверие и нормы, мотивирующих благотворительную практику [7; 8; 17; 18]. Ученые доказывают, что социально-психологические основы в обществе: доверие, готовность помогать другу, общественное одобрение, вера в справед-

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.

ливость, необходимость заботы, лояльность в группе, уважение к власти — оказывают влияние на уровень потенциала и реального участия в благотворительной деятельности [19].

Наличие социального капитала может привести к высокому уровню социального доверия, когда формальные и неформальные благотворительные организации в обществе достигают своих заявленных целей [6; 10]. Напротив, достижение заявленных целей благотворительными сообществами означает, что они имеют положительный опыт совместной работы, при этом демонстрирует их участникам, что они могут рисковать, вкладывая свои ресурсы, относительно других членов сообщества, поскольку эти социальные инвестиции, скорее всего, принесут отдачу в будущем [20; 21]. Мотивация к участию в благотворительности, по мнению исследователей, должна положительно коррелировать с уровнем доверия [7].

В научной литературе также ведется дискуссия, как религиозные и светские нормы влияют на мотивацию к благотворительной деятельности. То, что лица твердо придерживаются религиозной веры, которая обычно соответствует консервативным политическим взглядам, объясняет их более частое участие в благотворительных организациях или совершении благотворительных пожертвований [22; 23; 24; 25]. С другой стороны, люди со светскими наклонностями, которые обычно соответствуют прогрессивным политическим взглядам, также нацелены действовать просоциально, поскольку они мотивированы помогать или решать структурные социальные проблемы, такие как бедность или неравенство [26].

Ученые доказывают, что социально-демографические и экономические условия тоже влияют на мотивацию к благотворительности. Имеются данные о положительной корреляции между уровнем образования, финансовыми ресурсами и проживанием в городе с участием в благотворительной деятельности [22; 27; 28]. Более того, благотворительная активность стремится к росту в странах, где нет надежной системы социальной защиты, финансируемой государством [29]. Во многих странах благотворительность местных сообществ компенсирует недостаток или отсутствие социального государства. Однако нет достаточных доказательств того, что социально-демографические условия

обладают большей объяснительной силой для понимания отношения к благотворительности, чем, к примеру, социальные нормы.

Проблематика российской благотворительности также затронута в научной литературе. Ученые проводят как комплексные исследования истории и современных тенденций в сфере благотворительности России в сравнении с опытом других стран [30], так и рассматривают отдельные сюжеты: освещение тематики благотворительности в интернет-среде [31], благотворительность пожилых [32], влияние доверия на уровень благотворительности [33], отношение регионального сообщества к благотворительным организациям [34].

Несмотря на значительное количество работ по теме благотворительности местного сообщества, в большинстве как западных, так и российских исследований зачастую предметом анализа становятся отдельные аспекты или формы благотворительности, что затрудняет понимание данного явления как целостного. Кроме того, при изучении благотворительности возникает проблема, связанная с ограничением эмпирических данных: с одной стороны, доступных статистических материалов о различных аспектах благотворительной деятельности много, с другой — используются разные методы сбора данных, в итоге цифры зачастую существенно отличаются друг от друга. Соответственно, актуализируется изучение субъективных оценок местного сообщества относительно уровня своей благотворительной активности, мотивов участия/неучастия в благотворительных практиках, чему посвящено наше исследование.

Информационная база и методы социологического исследования

Основой эмпирической базы послужили результаты авторского социологического опроса, проведенного Вологодским научным центром РАН в мае — июне 2019 г. по репрезентативной выборке взрослого населения (старше 18 лет) Вологодской области (N = 1900; далее — опрос ВолНЦ РАН)³. Используется трехступенчатая территориальная стратифицированная выборка: первая ступень — отбор административных

³ Социологический инструментальный опрос разработан авторским коллективом гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00724 (руководитель — Ю.В. Уханова).

районов области по уровню социально-экономического развития (методика группировки районов разработана под руководством профессора д.э.н. Т.В. Усковой), вторая ступень — отбор избирательных участков, третья — отбор домохозяйств маршрутным методом. Отбор респондента в домохозяйстве проводился с применением квот по полу и возрасту (связная квота). Ошибка выборки не превышает 3%. Опрос осуществлялся согласно формализованной анкете по месту жительства респондентов. Техническая обработка информации произведена в программе SPSS версия 25 (статистический пакет для социальных наук).

Для достижения поставленной цели применялись как общенаучные методы исследования: дискурс-анализ, сравнение, синтез, обобщение, индукция/дедукция и т. д., так и специальные методы работы с массовыми социологическими данными: построение и анализ линейных (одномерных) и парных (двумерных) частотных распределений и таблиц, однофакторный дисперсионный анализ, факторный анализ.

Результаты исследования

Согласно российскому законодательству благотворительность — это добровольная деятельность граждан и юридических лиц по бескорыстной передаче гражданам или юридическим лицам имущества, в том числе денежных средств, безвозмездному выполнению работ, оказанию иной поддержки⁴. В Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в Российской Федерации на период до 2025 года закреплена роль благотворительной деятельности как внутреннего фактора развития страны, при этом сделан упор на распространение массовой благотворительности⁵.

В целом общий вектор господдержки направлен на активизацию потенциала благотворительности как ресурса, способствующего формированию и распространению инновационной практики социальной деятельности,

⁴ О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве): Федеральный закон от 11.08.1995 (ред. от 18.12.2018). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения 01.07.2020).

⁵ О Концепции содействия развитию благотворительной деятельности в РФ на период до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 15 ноября 2019 г. № 2705-п. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72943544/> (дата обращения 01.07.2020).

позволяющего дополнить бюджетные источники для решения социальных проблем внебюджетными средствами и привлечь в социальную сферу трудовые ресурсы добровольцев⁶.

При рассмотрении благотворительности первоочередным вопросом является суть этого социального феномена. Благотворительная деятельность локального/местного сообщества многогранна: может включать добровольные пожертвования финансовых и материальных ресурсов, безвозмездное использование способностей, времени и энергии людей в индивидуальной или коллективной форме. Опираясь на методику международного проекта CAF World Giving Index, мы анализируем благотворительную деятельность по трем основным направлениям: индивидуальная помощь нуждающимся (ситуативное неорганизованное помогающее поведение), денежные пожертвования и формальное волонтерство в рамках деятельности общественных организаций.

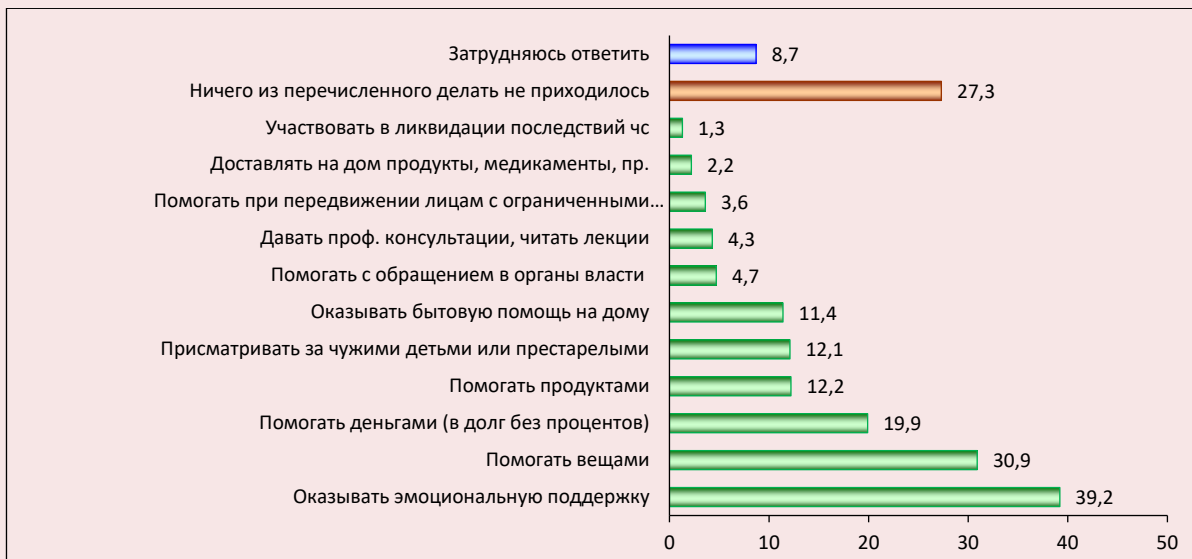
Помогающее поведение

Как демонстрируют данные авторского опроса, проведенного на территории Вологодской области в 2019 году, большая часть локального сообщества так или иначе вовлечена в различные формы помогающего поведения: только 27% респондентов не оказывали помощь нуждающимся, еще 9% — затруднились с ответом (рис. 2). Наиболее распространенными практиками (в отношении не членов семьи, родственников и близких друзей) выступают эмоциональная поддержка (39%), помощь вещами (31%), помощь денежными средствами (в долг без процентов — 20%).

В целом обращает на себя внимание более высокий уровень включенности местного населения в практики, направленные на моральную и материальную помощь нуждающимся, чем, к примеру, в интеллектуальные практики: бесплатное предоставление профессиональных услуг, передачу знаний и умений, в том числе при обращении в органы власти (4–5%) или участие в ликвидации последствий стихийных бедствий, чрезвычайных ситуаций (1%).

⁶ Волонтерство и благотворительность в России и задачи национального развития: докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / В.Б. Беневоленский, В.А. Иванов, Н.В. Иванова и др.; под ред. И.В. Мерсиановой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 120 с.

Рисунок 2. Участие локального сообщества в различных практиках помогающего поведения, Вологодская область, 2019 г. (доля положительных ответов по каждому суждению), %

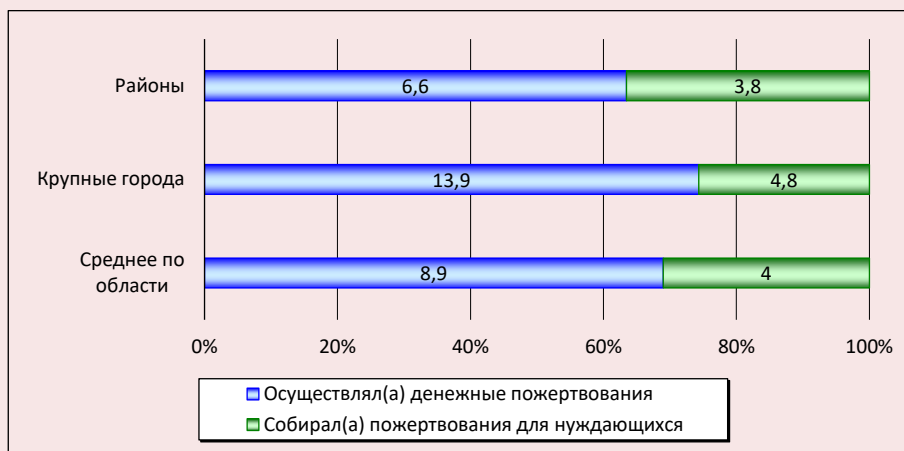
Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Денежные пожертвования

В 2019 году давали нуждающимся людям деньги (безвозмездно) всего 9% опрошенных жителей региона, при этом денежные пожертвования чаще делает население, проживающее в крупных городах, чем в районах (14 против 7%; рис. 3). Кроме того, выделяется незначи-

тельная часть местного сообщества, которая непосредственно организывает сбор пожертвований (4%). В целом, как демонстрируют данные, денежная благотворительность не получила широкое распространение среди местного сообщества.

Рисунок 3. Уровень вовлеченности локального сообщества в практики денежных пожертвований, Вологодская область, 2019 г., % от числа опрошенных

Источник: социологический опрос ВолнЦ РАН, 2019 г.

Волонтерская деятельность в рамках общественных организаций

Значимым направлением развития благотворительности является волонтерская деятельность. В Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года поясняется, что это «деятельность в форме безвозмездного выполнения работ и (или) оказания услуг в целях решения социальных задач...»⁷. Л. Саломон, опираясь на набор критериев, разработанных и описанных Международной организацией труда (МОТ), выделяет пять функциональных особенностей, определяющих волонтерство: 1) приносит пользу другим; 2) не является случайным видом деятельности, ведется в течение значимого периода времени; 3) не оплачивается; 4) не направлено на то, чтобы приносить пользу членам семьи или близким родственникам; 5) не является обязательной деятельностью [35].

Волонтеры (добровольцы) могут осуществлять свою деятельность как индивидуально (согласно используемой методике эту форму благотворительности мы отнесли к помогающему поведению), так и в составе некоммерческих организаций. Вместе с тем полагаем, что отдельного внимания заслуживает рассмотрение волонтерства именно в рамках деятельности общественных организаций, т. к. подобная благотворительная активность обладает наибольшими устойчивыми связями, требует определенной регулярности и принадлежности.

По данным опроса ВолНЦ РАН, в течение года только 13% местного сообщества Вологодской области принимали участие в волонтерской деятельности через некоммерческие организации, при этом на регулярной основе (не менее двух раз) этот показатель еще меньше (не более 7%)⁸. В то же время 20% жителей Вологодской области допускают волонтерскую деятельность в НКО в будущем, что свидетельствует об имеющемся потенциале для развития волонтерства посредством формирования культуры самопомощи и поддержки в повседневной жизни локального сообщества.

Дескриптивный анализ различий уровня вовлеченности локального сообщества в благотворительные практики в зависимости от информированности и доверия к НКО показал, что чаще, чем в среднем, в благотворительной деятельности участвует население, которое знает про НКО, а также доверяет им (43 и 53% против 33% в целом по выборке; *табл. 1*). Следовательно, несмотря на то что в регионе наблюдаются низкая вовлеченность населения в формальное добровольчество, связанное с деятельностью в какой-либо организации, и высокая неформальная добровольческая активность, некоммерческие организации играют значительную роль в развитии социальной взаимопомощи на местах.

Таким образом, наше исследование показало, что местное сообщество Вологодской области в большей степени вовлечено в такое направление благотворительности, как помо-

Таблица 1. Взаимосвязь уровня информированности населения об НКО и доверия к ним и участия локального сообщества в благотворительной деятельности, % от числа ответивших

Уровень информированности и доверия к НКО	Да, участвую	Нет, не участвую
Знаете ли Вы о деятельности НКО в Вашем городе (районе)?		
Да, хорошо знаю; что-то слышал	43,3	56,7
Нет, не знаю	21,2	78,8
Насколько Вы доверяете НКО?		
Полностью и в основном доверяю	52,9	47,1
Полностью и в основном не доверяю	27,1	72,9
Среднее по выборке	32,8	67,2
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г.		

⁷ Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 г.: Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950. URL: <http://static.government.ru/media/files/e6LFLgABRP4MyQ8mW7HCICGR8esYBYgq.pdf> (дата обращения 09.03.2020).

⁸ Социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г. Ответ на вопрос «Сколько раз за последние 12 месяцев Вы работали в качестве волонтера НКО?».

гающее поведение вне каких-то институциональных структур (64%), менее развита вовлеченность в волонтерскую деятельность в рамках некоммерческих организаций (13%) и особенно в практики денежной благотворительности (9%; рис. 4).

В целом полученные по региону выводы коррелируют с общероссийской ситуацией. Согласно данным международного исследования CAF World Giving Index за последние 10 лет россияне чаще оказывают помощь незнакомцам (35%)⁹, реже вовлечены в волонтерскую работу через НКО (16%), в меньшей степени осуществляют денежные пожертвования — 12% (табл. 2). Мировое сообщество в среднем также в большей степени вовлечено в такую практику, как помогающее поведение незнакомцам (48%), однако на международном уровне

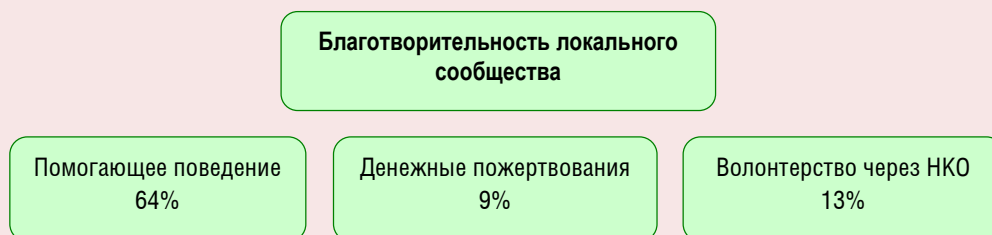
более распространено осуществление денежных пожертвований, чем, к примеру, волонтерская деятельность в общественных организациях (26 против 20%).

Мотивация и препятствия благотворительной деятельности локального сообщества

При изучении благотворительности важнейшим вопросом является исследование не только текущего уровня благотворительной активности локального сообщества, но и мотивов участия/неучастия в подобной деятельности.

Треть населения региона (32%) связывает основные мотивы участия в благотворительности с солидарными установками («с каждым может случиться беда»), еще треть респондентов (28%) через благотворительную активность стремится получить общественное при-

Рисунок 4. Уровень вовлеченности локального сообщества в благотворительную деятельность по трем направлениям, % от числа опрошенных

Источник: составлено авторами по результатам социологического опроса ВолНЦ РАН, 2019 г.

Таблица 2. Развитие благотворительности в странах по трем направлениям за 2009–2019 гг. (среднее значение за период), % от числа ответивших

Помощь незнакомцам		Денежные пожертвования		Волонтерство в общественных организациях	
Страна	%	Страна	%	Страна	%
Либерия	77	Мьянма	81	Шри Ланка	46
Сьерра-Леоне	74	Великобритания	71	Туркменистан	43
США	72	Мальта	71	Мьянма	43
Кения	68	Тайланд	71	Либерия	43
Замбия	67	Нидерланды	71	США	42
Справочно: РФ	35	Справочно: РФ	12	Справочно: РФ	16
Среднее по 143 странам	48	Среднее по 143 странам	26	Среднее по 143 странам	20

Источник: CAF World Giving Index. Ten years of giving trends, October 2019.

⁹ Согласно методике опроса ВолНЦ РАН учитывалась не только помощь незнакомцам, но и знакомым, соседям и т. д. Это обусловлено тем, что выборка охватывает, в том числе, малые города, где местное сообщество, как правило, знакомо друг с другом.

Таблица 3. Мотивы участия/неучастия в благотворительности по самооценкам локального сообщества региона, % от числа ответивших по каждому суждению*

Мотив участия	%	Мотив неучастия	%
С каждым может случиться беда	32	Помощь людям должно оказывать государство, а не благотворители	51
Желание заслужить одобрение общества (друзей, знакомых, близких)	28	Я не верю, что моя помощь действительно дойдет до адресата, будет использоваться по назначению	37
Возможность получить связи, контакты	20	У меня и моей семьи много своих проблем, нет времени заниматься благотворительностью	20
Мне хочется сделать что-то полезное, помочь людям	15	Мне это не интересно	12
Потому что сам(а), мои родные, близкие когда-то оказывались в тяжелой ситуации	12	Не уверен(а) в пользе общественной деятельности	11
У меня много свободного времени, мне нечего делать	5	Это не способствует решению собственных проблем и проблем членов моей семьи	9
Получить материальное вознаграждение	3	Такая деятельность не дает мне возможности личностного роста	9

* Распределение ответов респондентов на вопросы «Почему Вы участвуете в благотворительной деятельности?» и «Почему Вы не участвуете в благотворительной деятельности?».
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г.

знание, для каждого пятого (20%) – это способ для расширения социальных связей (табл. 3). Важнейшая причина неучастия в благотворительности, по самооценкам населения, связана с убеждением, что помощь людям должно оказывать государство, а не благотворители (51%). Кроме того, барьеры вовлеченности в благотворительные практики определяются недоверием к благотворительности и благотворительным организациям: 37% респондентов не верят, что их помощь действительно дойдет до адресата.

Исследователи, признавая влияние благотворительной деятельности на широкий круг заинтересованных сторон: добровольцев, благополучателей, сообщества и общество в целом, много внимания уделяют изучению причинно-следственной связи между участием в благотворительных практиках и отдельными сферами жизни человека (социальной, культурной, психологической, экономической) [36].

С целью углубленного понимания, какие факторы влияют на мотивацию вовлеченности населения в благотворительность, авторами посредством методики факторного анализа были выделены латентные переменные (далее – факторы) мотивации благотворительной деятельности локального сообщества. Латентные переменные или факторы – не измеряемые напрямую конструкты, представленные посредством двух или более наблюдаемых переменных, коррелирующих друг с другом. Группировка наблюдаемых признаков и фиксация их в латентные переменные приводит к независимости показателей [37].

Для выявления факторов, определяющих мотивацию локального сообщества к участию в благотворительности, мы провели латентно-структурный анализ с помощью методики факторного анализа¹⁰. В результате были выделены латентные переменные (факторы) мотивации благотворительной деятельности локального сообщества. Факторный анализ осуществлен по коррелирующим переменным (по методу «Корреляция Пирсона»).

Основываясь на анализе обширной научной литературы по проблеме благотворительности, мы отобрали широкий перечень независимых переменных, отражающих ценностные установки, убеждения респондентов, их социально-демографические характеристики. В качестве зависимой переменной применен показатель, характеризующий опыт участия локального сообщества в благотворительности. Он фиксировался в ходе ответа на вопрос «За последний год Вы участвовали в каком-либо виде благотворительной деятельности (помогающее поведение,

Основаваясь на анализе обширной научной литературы по проблеме благотворительности, мы отобрали широкий перечень независимых переменных, отражающих ценностные установки, убеждения респондентов, их социально-демографические характеристики. В качестве зависимой переменной применен показатель, характеризующий опыт участия локального сообщества в благотворительности. Он фиксировался в ходе ответа на вопрос «За последний год Вы участвовали в каком-либо виде благотворительной деятельности (помогающее поведение,

¹⁰ С помощью программы SPSS матрица данных была подвергнута процедуре факторного анализа Extraction Method: Principal Component Analysis (по методу отбора главных компонент). Rotation Method: Varimax with Kaiser Normalization (Метод вращения: Варимакс с нормализацией Кайзера). Число факторов определялось при помощи критерия Кайзера.

денежные пожертвования, добровольная, безвозмездная работа)?». В результате использования эмпирического подхода количество переменных уменьшено и выделено три фактора, имеющих значение больше единицы и объяснительную способность на уровне 65,7%. При анализе факторной структуры значимой нагрузкой считалась нагрузка 0,35 по каждой шкале фактора.

Первый выявленный фактор (объясняет 46,7% суммарной дисперсии) объединил переменные, характеризующие жизненные установки и ценности: важность религии, общественного признания, карьеры в жизни человека, а также уровень гражданской активности (табл. 4). Максимальный вес в его формировании имеет такой показатель, как религиозность («в моей жизни важна религия»), со значением факторной нагрузки на уровне 0,796. Менее весомым оказался индикатор самооценки гражданской активности (0,52). Условно мы обозначили этот фактор как социальные нормы.

Во второй фактор (7,4% дисперсии) вошли те положения, которые указывают на социально-демографические характеристики субъектов благотворительности: возраст, наличие детей, материальное положение, семейное положение (женат/замужем). Наименьшее значение нагрузки в этом факторе имеют показатели, характеризующие семейное положение респондентов (0,401). Два индикатора отрицательно нагружают фактор: возраст (-0,662) и материальное положение (-0,501).

Положительное значение третьего фактора (10,8% дисперсии) свидетельствует о влиянии на мотивацию к участию в благотворительных практиках психологических установок, таких как удовлетворенность жизнью («полностью и в основном удовлетворен», нагрузка переменной 0,672), самодостаточность (положение «могу обойтись без поддержки государства», нагрузка переменной 0,631), социальное доверие (положение «большинству людей можно доверять», нагрузка переменной 0,543), доверие некоммерческим организациям (положение «полностью и в основном доверяю», нагрузка переменной 0,4). Он обозначен как «психологические установки». Положительное значение фактора свидетельствует о значимости для вовлеченности в благотворительность субъективного благополучия и доверия. Как видно из полученных данных, первый фактор (социальные нормы) имеет наибольшее влияние на вовлеченность локального сообщества в благотворительность, фактор, объединяющий социально-демографические характеристики, наименьшее.

Обсуждение

В научной литературе благотворительная деятельность увязывается с положительными социальными, культурными, психологическими и экономическими последствиями для местного общества. Мы стремились проанализировать уровень развития, мотивацию и препятствия вовлеченности локального сообщества в общественную жизнь посредством благотворительной деятельности на примере российского

Таблица 4. Результаты факторного анализа благотворительности локального сообщества

Фактор (латентная переменная)	Переменная	Фактор 1	Фактор 2	Фактор 3
Социальные нормы	Z11 – Религиозность	,796		
	Z12 – Общественное признание	,730		
	Z13 – Карьера	,682		
	Z5 – Гражданская активность	,520		
Социально-демографические характеристики	Z3 – Возраст		-,662	
	Z9 – Наличие детей		,619	
	Z7 – Материальное положение		-,501	
	Z8 – Семейное положение		,401	
Психологические установки	Z10 – Удовлетворенность жизнью			,672
	Z14 – Самодостаточность			,631
	Z6 – Социальное доверие			,543
	Z15 – Доверие НКО			,400

В фазе анализа используются только наблюдения, для которых $v_{2101} = 1$ («да, участвую в благотворительности»).
Источник: социологический опрос ВолНЦ РАН, 2019 г. (N = 1900).

региона. Однако, прежде чем перейти к обсуждению полученных результатов, обратимся к зарубежному опыту развития благотворительной активности.

Проведенный ранее анализ международных данных выявил, что высокие позиции по сравнению с другими странами по благотворительной деятельности занимают Нидерланды. Это обусловило исследовательский интерес к рассмотрению нидерландского опыта развития благотворительных практик. Как демонстрируют социологические данные, с 2012 по 2016 год почти половина жителей страны занималась волонтерской деятельностью не реже одного раза в год [38]. Высокий уровень участия в благотворительности наблюдается в Нидерландах не только в последние годы, но и в долгосрочной ретроспективе: в соответствии с данными голландского Центрального бюро статистики с 1977 года этот показатель всегда колебался между 42 и 45% [38]. Вследствие старения населения в Нидерландах активно растет спрос на услуги, связанные со здравоохранением, поэтому волонтерство в обозначенной сфере становится все более важной общественной деятельностью [39].

Осуществлять благотворительную работу в Нидерландах людей мотивируют альтруизм, чувство полезности, желание расширить социальные сети, получить новые навыки или чувство долга [40].

Есть определенные демографические группы, которые чаще занимаются благотворительностью, чем другие. Большинство волонтеров имеют высшее образование. Очевидна разница между жителями сельской и городской среды: те, кто живет в сельской местности, чаще занимаются благотворительностью, чем жители городов.

Кроме того, важнейшим фактором являются особенности трудовой деятельности (или ее отсутствие). Безработные, люди, занятые неполный рабочий день, а также те, кто не может работать в «стандартных» обстоятельствах из-за других обязательств или препятствий, занимаются благотворительностью чаще, чем средне-статистический голландец [41; 42].

П. Деккер подчеркивает, что безработные в Нидерландах часто оказываются на длинных траекториях, где от них ожидают волонтерской работы в качестве компенсации к пособию по

безработице. Этот вид благотворительной деятельности находится в серой зоне между добровольным и недобровольным. Часто сотрудник Агентства по страхованию (ОСТ) стимулирует благотворительную деятельность для безработных, тем самым способствуя не только эффективному использованию времени, но и их интеграции в социум [43].

Пример Нидерландов важен для сравнения, каковы условия, ведущие к высокому уровню участия в благотворительности. В целом опыт Нидерландов показывает, что наличие сильного и современного государства всеобщего благосостояния не вытесняет участие в благотворительности и наоборот (аргумент, распространенный в американской литературе). Полагаем, что рассмотрение и сопоставление успешного опыта развития благотворительности в различных странах представляет научный интерес и является перспективным направлением исследований.

Как было отмечено выше, по уровню развития благотворительности Россия отстает от других стран. Описательная статистика показывает, что Вологодская область находится в аналогичной ситуации относительно участия граждан в благотворительной деятельности: наибольшее распространение получает такое направление, как помогающее поведение — практики «малых дел». Особенностью подобных практик является то, что они малозатратные по времени, усилиям, финансам, ситуативные, минимально организованные и формализованные, с быстрыми результатами и ощутимой пользой. Этот тренд наблюдается и на мировом уровне: расширяется поле неформальных, самоорганизованных и децентрализованных инициатив, таких как группы самопомощи, инициативы местного сообщества, а также индивидуальных форм помогающего поведения и поддержки [44].

Между тем следует констатировать негативную тенденцию: несмотря на укрепление роли благотворительности как значимого социального явления, в российском обществе присутствует недоверие граждан к организованным формам и видам благотворительной деятельности; у россиян отсутствуют ассоциации с благотворительностью и волонтерством, когда речь идет о конкретной безвозмездной помощи нуждающемуся человеку без участия каких-либо организаций [45].

В ходе исследования определено, что локальное сообщество связывает основные мотивы участия в благотворительности не только с солидарными установками и желанием помочь, но и со стремлением получить общественное признание, расширить социальные связи. В этом плане благотворительность воспринимается как поощряемое явление, приносящее людям авторитет и уважение общества. Можно говорить о перспективе формирования в общественном мнении россиян образа благотворительности не просто как некоего индивидуального альтруистического акта, а именно как социально полезной системной активности, направленной на достижение общего блага¹¹.

Основная причина неучастия в благотворительности связана с тем, что респонденты рассматривают в роли коллективного агента, ответственного за обеспечение благосостояния общества, в первую очередь государство, а не местное сообщество (см. табл. 3). В связи с этим постсоветское российское общество характеризуется парадоксальным сочетанием недоверия к альтруистическим устремлениям других людей и в то же время ожидания государственного альтруизма [30]. Следовательно, исторические институты бывшей советской России обладают высокой степенью преемственности.

Вторым важным препятствием вовлеченности локального сообщества в благотворительные практики выступает недоверчивое отношение населения к благотворительности и благотворительным организациям, опасение, что помощь не дойдет до адресата (см. табл. 3), поэтому борьба с мошенничеством является острой проблемой для имиджа российской благотворительности. В последнее время учащаются случаи призывов к сбору частных пожертвований, за которыми стоят недобросовестные люди¹². Безусловно, каждый такой случай уменьшает степень доверия к благотворительным организациям и в целом дискредитирует саму систему благотворительности.

¹¹ Неинституциональная социальная активность граждан: формы реализации и возможной поддержки. Основные выводы по результатам комплексного исследования (15.10.2018). ЦИРКОН. М., 2019.

¹² Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2019 г. М.: Общественная палата РФ, 2019. С. 61–62.

Из углубленного анализа следует, что основными факторами, мотивирующими местное население на участие в благотворительной деятельности, являются личные и социальные установки, такие как религиозность респондентов, общественное признание, карьера, удовлетворенность жизнью и самодостаточность (см. табл. 4). Все коэффициенты для этих факторов – выше 0,6. Это показывает их сильную корреляцию с участием в благотворительной деятельности. В литературе утверждается, что существует положительная связь между благотворительностью и повышением удовлетворенности жизнью, личными достижениями, социальными сетями и отношениями, личным и карьерным развитием [46]. П. Деккер и А. Брук констатируют, что готовность населения к социальной активности все больше зависит от личных интересов и потребностей, чем от чувства ответственности перед обществом [47]. Индивидуалистические представления, как и коллективные, также могут стимулировать просоциальное поведение [48; 49], хотя приводят к изменению моделей участия от строго формализованных к неформальным [50].

Религиозность и участие в религиозных организациях могут выступать значимым источником социального капитала. Это помогает объяснить, почему ценность религии способствует вовлеченности в благотворительную деятельность [51]. В литературе утверждается, что участие в религиозных организациях или сообществах увеличивает удовлетворенность жизнью, самодостаточность и эффективность, поскольку религиозные сообщества создают нормальные, часто вертикально организованные социальные сети [8; 52; 53]. Отметим, что социальные сети, созданные благодаря участию в религиозных организациях, действительно мотивируют участников заниматься благотворительной деятельностью, но за счет всеобщего социального доверия. Мы призываем исследователей продолжить изучение взаимосвязи между религиозностью и социальным доверием в целях подтвердить или опровергнуть нашу интерпретацию.

Выявлено, что финансовое положение имеет отрицательную корреляцию как фактор мотивации к занятию благотворительностью. Эта особенность может быть результатом личных и

общественных норм и ценностей, превосходящих социально-экономические детерминанты участия в благотворительности. Однако теоретически возможен вариант, когда локальные сообщества должны сначала достичь относительно высокой степени материального благополучия, чтобы иметь свободные человеческие и финансовые ресурсы для занятия благотворительностью [22; 27; 28]. Следовательно, это альтернативное объяснение указывало бы на эндогенную взаимосвязь между благотворительностью и социально-экономическим развитием местных территорий, которую следует изучить в будущем.

Заключение

Благотворительность как практика гражданского участия выступает важнейшим ресурсом общественного развития. Его суть заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности, социальной сплоченности в обществе. На основе сравнения результатов международных социологических измерений выявлено, что по всем представленным практикам благотворительности Россия заметно отстает от других стран: по рейтингу CAF World Giving Index Россия за 2009–2019 гг. входит в десятку государств с наименьшим уровнем развития благотворительности. Это обусловило исследовательский интерес к более глубокому изучению российской благотворительности.

Как показал проведенный анализ, в большей степени локальное сообщество практикует

различные формы помогающего поведения, чем, например, осуществляет денежные пожертвования. Обращает на себя внимание низкий уровень участия населения в формальных благотворительных практиках, связанных с деятельностью общественных организаций, и высокая неформальная благотворительная активность. В то же время выявлено, что некоммерческие организации играют значительную роль в развитии социальной взаимопомощи на местах.

В результате факторного анализа определено, что наибольшее влияние на вовлеченность локального сообщества в благотворительность оказывает фактор, связанный с жизненными установками и ценностями, такими как важность религии, общественного признания, карьеры в жизни человека и т. д. Основные барьеры участия населения в общественной деятельности во многом определяются убеждением в том, что власть, а не люди, должна нести ответственность за решение социальных проблем на местах, а также порой недоверчивым отношением к существующей системе благотворительности и благотворительным организациям.

Полагаем, что теоретическое осмысление и анализ обширной эмпирической базы благотворительной деятельности локального сообщества могут дать толчок как для фундаментальных исследований в этой области, так и работ практического характера, направленных на изучение конкретных мероприятий с целью роста вовлеченности населения в благотворительность на местном уровне.

Литература

1. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.
2. Singer P. *The Life you Can Save: Acting Now to End World Poverty*. New York: Random House, 2009. 107 p.
3. Артамонова А.С. Барьеры развития некоммерческого сектора: зарубежный опыт // Вестник НГИЭИ. 2020. № 9 (112). С. 41–53. DOI: 10.24411/2227-9407-2020-10083
4. Williams R. *Keywords*. London: Fontana, 1988. 270 p.
5. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
6. Fukuyama F. Social capital, civil society and development. *Third World Quarterly*, 2001, no. 22 (1), pp. 7–20. Available at: <https://doi.org/10.1080/01436590020022547>
7. Glanville J.L., Paxton P., Wang Y. Social capital and generosity: A multilevel analysis. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2016, vol. 45 (3), pp. 526–547. Available at: <https://doi.org/10.1177/0899764015591366>

8. Putnam R.D. *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*. Princeton University Press. 1994. Available at: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691037387/making-democracy-work>
9. Wang L., Graddy E. Social capital, volunteering and charitable giving. *Voluntas*, 2009, vol. 19 (1), pp. 23–42.
10. Fukuyama F. *Political Order and Political Decay: From the Industrial Revolution to the Globalization of Democracy*. New York: Farrar, Straus and Girouz. 2014, 658 p.
11. Weingast B. R. The political foundations of democracy and the rule of law. *The American Political Science Review*, 1997, vol. 91 (2), pp. 245–263.
12. Andor M., Osberghaus D., Simora M. Natural disasters and governmental aid: Is there a charity hazard? *Zentrum für Europäische Wirtschaftsforschung (ZEW) Discussion Papers*, 2017, no. 17-065. Available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:bsz:180-madoc-438784>
13. Buchanan J.M. *The Samaritan's Dilemma. Altruism, Morality, and Economic Theory*. Russel Sage Foundation, New York, USA, 1975. 120 p.
14. Becker G.S. A theory of social interaction. *Journal of Political Economy*, 1974, vol. 82 (6), pp. 1063–1093.
15. Lewicka M. Ways to make people active: The role of place attachment, cultural capital, and neighborhood ties. *Journal of Environmental Psychology*, 2005, vol. 25 (4), pp. 381–395.
16. Mohammad G., Mohsen N., Fatemeh E.R. Participation in charity work and dedication, a prelude to sustainable development. *Journal of Studies of Socio-Cultural Development*, 2015, vol. 3 (4), pp. 24–45.
17. Berger B. Political theory, political science and the end of civic engagement. *Perspectives on Politics*, 2009, vol. 7 (02), pp. 335–350. DOI: 10.1017/S153759270909080X
18. Putnam R. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy*, 1995, no. 6 (1), pp. 65–78.
19. Nilsson A., Erlandsson A., Västfjäll D. Moral foundations theory and the psychology of charitable giving. *European Journal of Personality*, 2020, vol. 34 (3), pp. 431–447.
20. Sampson R.J., Raudenbush S.W. Systematic social observation of public spaces: A new look at disorder in urban neighborhoods. *American Journal of Sociology*, 1999, vol. 105 (3), pp. 603–651.
21. Leon D.S. *Violence in the Barrios of Caracas: Social Capital and the Political Economy of Venezuela*. Springer, 2020.
22. Bekkers R., Wiepking P. A literature review of empirical studies of philanthropy: Eight mechanisms that drive charitable giving. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, 2011, no. 40 (5), pp. 924–973.
23. Brooks A. *Who Really Cares: The Surprising Truth about Compassionate Conservatism*. New York: Basic Books, 2007. 230 p.
24. Wang H. The role of charity care and primary care physician assignment on ED use in homeless patients. *American Journal of Emergency Medicine*, 2015, no. 33, pp. 1006–1011. Available at: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ajem.2015.04.026>.
25. Zagefka H., James T. The Psychology of Charitable Donations to Disaster Victims and Beyond. *Social Issues and Policy Review*, 2015, no. 9, pp. 155–192. Available at: <https://doi.org/10.1111/sipr.12013>.
26. Piurko Y., Schwartz S.H., Davidov E. Basic personal values and the meaning of left-right political orientations in 20 countries. *Political Psychology*, 2011, no. 32, pp. 537–561. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2011.00828.x>.
27. Bekkers R. Who gives what and when? A scenario study of intentions to give time and money. *Social Science Research*, 2010, no. 39, pp. 369–381.
28. Gittel R., Tebaldi E. Charitable giving: Factors influencing giving in the U.S. States. *Nonprofit Sector Quarterly*, 2006, no. 35, pp. 721–736.
29. Hodgkinson V.A., Weitzman M.S. *Giving and Volunteering in the United States: Findings From a National Survey, 1990 Edition*. Washington DC: Independent Sector, 1996.
30. Потенциал и пути развития филантропии в России / под ред. И.В. Мерсияновой, Л.И. Якобсона. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2010. 419 с.
31. Посты в интернете с тегами «благотворительность», «денежные пожертвования», «волонтерство», «добровольчество» в социальных сетях: что в них есть интересного? / под ред. И. В. Мерсияновой. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2018. 54 с.
32. Корнеева И.Е., Миннигалева Г.А. Благотворительность пожилых россиян (по результатам эмпирического исследования) // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 74–80.
33. Мерсиянова И.В., Корнеева И.Е. Влияние доверия на участие россиян в благотворительности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 2. С. 145–159. DOI: 10.14515/monitoring.2017.2.09

34. Канаева Л.П. Отношение к благотворительным организациям жителей региона // Проблемы науки. 2018. № 7 (31). С. 99–100.
35. Salamon M.L., Sokolowski W. The size and scope of the European third sector. *TSI Working Paper*, no. 12, Seventh Framework Programme, European Union. Brussels: Third Sector Impact, 2016. 120 p.
36. Enjolras B. The Impact of Volunteering on Volunteers in 23 European Countries. *TSI working paper series*, no. 4. Seventh Framework Programme, European Union. Brussels: Third Sector Impact, 2015. 180 p.
37. Смолева Е.О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 2. С. 179–195. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.11
38. Arts K., Te Riele S. Vrijwilligerswerk. *Sociale samenhang: Participatie, vertrouwen en integratie*. Den Haag/Heerlen: CBS, 2010. Pp. 53–70.
39. Beach B., McKenzie D. *Population Ageing & the Voluntary Sector: Key Figures and Projected Trends*. London: Commission on the voluntary sector & ageing, 2014.
40. Bekkers R., De Wit A., Hoolwerf B., Boezeman E. *Geven van tijd: vrijwilligerswerk*. Amsterdam: Reed Business, 2015. 154 p.
41. Krieg S., Lautenbach H., Schmeets H. Vrijwilligers met en zonder betaald werk. *Statistische Trends*, December 2017, pp. 1–19.
42. Schmeets H., Arends, J. Vrijwilligerswerk: wie doet het? *Statistische Trends*, December 2017, pp. 1–19.
43. Dekker P. Vrijwilligerswerk verkend. *Geron*, 2017, vol. 19 (4), pp. 6–10.
44. Theocharis Y., Deth J. The continuous expansion of citizen participation: A new taxonomy. *European Political Science Review*, 2018 vol. 10:1, pp. 139–163. DOI:10.1017/S1755773916000230
45. Певная М.В. Некоторые характеристики отношения российского населения к волонтерству // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 2 (35). С. 64–69.
46. Rochester C., Paine E., Howlett A. *Volunteering and Society in the 21-st Century*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2010. 274 p.
47. Dekker P., Broek A. Civil society in comparative perspective: involvement in voluntary associations in North America and Western Europe. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 1998, vol. 9, no. 1, pp. 11–37.
48. Hustinx L., Lammertyn F. Collective and reflexive styles of volunteering: A sociological modernization perspective. *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 2003, vol. 14, no. 2, pp. 167–187.
49. Lipset S.M. *American Exceptionalism*. New York, 1996. 268 p.
50. Stolle D., Hooghe M. Review article: Inaccurate, exceptional, one-sided or irrelevant? The debate about the alleged decline of social capital and civic engagement in western societies. *British Journal of Political Science*, 2005, pp. 149–167. DOI: 10.1017/S0007123405000074
51. Smidt C. *Religion as Social Capital: Producing the Common Good*. Baylor University Press, 2003.
52. Lim C., Putnam R.D. Religion, social networks, and life satisfaction. *American Sociological Review*, 2010, no. 75 (6), pp. 914–933. Available at: <https://doi.org/10.1177/0003122410386686>
53. Weber M. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. Routledge. 1905.

Сведения об авторах

Юлия Викторовна Уханова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Даниэль Леон – PhD, научный сотрудник, Университет Лейпцига (04109, Федеративная Республика Германия, Лейпциг, Nikolaistr. 6-10; e-mail: dleon011@fiu.edu)

Ренате Зигрид Шельвальд – научный сотрудник, Университет Билефельда (D-33501, Федеративная Республика Германия, Билефельд, Vox 10 01 31; e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl)

Ukhanova Yu.V., Leon D., Schelwald R.

Charity Work of Local Community: Results of the Sociological Research in the Russian Region

Abstract. In recent years, the participation of citizens in the solution of social problems and society's self-organization has become an important research agenda. Public practices are perceived as a crucial resource for socio-economic development at the state and local levels. The purpose of this paper is to identify the development level and features of motivation for participation/non-participation in charitable activities from the standpoint of the Russian region's local community. We present an approach to the essence and components of charity based on a critical analysis of academic literature. Through a mass public opinion survey in the Vologda Oblast, 2019; N=1900), we revealed the level of local community's involvement in certain charity forms (helping behavior, monetary donations, volunteerism as part of public organizations' activities). A low level of population's participation in formal charitable practices, related to work of voluntary associations, and high informal charitable activity in various forms of helping behavior draw some attention. Using a factor analysis of latent variables, the authors determined that social norms and religious values are among the main factors that encourage a local community to engage in charity work. In addition, we revealed that the formed idea about the predominance of other entities' social responsibility (primarily – the state) and suspicious attitude to a charity system become serious obstacles to the inclusion of a local community in charitable activities. The study on the current state of charitable activity in Russia's local communities can provide an empirical basis and theoretical impetus for basic research in this area and for practical work aimed at studying specific types of activities to increase population's involvement in local charity.

Key words: charity, local community, territorial development, social capital, helping behavior, monetary donations, volunteerism.

Information about the Authors

Yuliya V. Ukhanova – Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russia; e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru)

Daniel Leon – PhD, Researcher, University of Leipzig (6-10, Nikolaistr., Leipzig, 04109, Federal Republic of Germany; e-mail: dleon011@fiu.edu)

Renate Sigrid Schelwald – Researcher, University of Bielefeld (D-33501, Box 10 01 31, Bielefeld, Federal Republic of Germany; e-mail: r.s.schelwald@students.uu.nl)

Статья поступила 07.10.2020.